

Бай Сюэцин закрыла дверь и мрачно сказала:

— У тебя лучше будет для меня разумное объяснение. Ты должен знать, что беспокоить других людей, особенно женщин во сне, — это очень аморально.

Му Цзиньюань сел на диванчик в комнате и сразу же перешел к делу:

— Ханьхань проснулся. Пока я еще не проснулся, он в одиночку попытался совершить самоубийство.

Бай Сюэцин резко вдохнула, чуть не сойдя с ума:

— Что ты сказал?! Как он сейчас?! Почему ты не позвал врача?!

Му Цзиньюань спокойно ответил:

— Если бы с ним что-то было, ты думаешь, я бы сидел здесь и разговаривал с тобой? Меня он не прошел, не волнуйся.

Бай Сюэцин успокоилась, но от этого взрывоопасного известия у нее подкосились ноги, она слабо села и недоумевающе спросила:

— В чем вообще дело? Почему он захотел... совершить самоубийство?

Му Цзиньюань повернулся к ней и, выговаривая каждое слово, произнес:

— Вы все говорили, что он стал послушным, я сначала не совсем понимал. Сегодня я наконец понял. Когда он проснулся и пока я еще не проснулся, он разбил бутылку, осколком стекла хотел перерезать себе сонную артерию. Действовал очень жестоко, хотя я и схватил его за запястье, но его сила повлекла мою руку, и все равно порезал шею. К счастью, я приложил все силы, рана неглубокая, ничего страшного.

Сюэцин, я чуть не умер от страха. В тот момент у меня сердце остановилось.

Бай Сюэцин по его выражению поняла, что его слова «чуть не умер от страха» — это не преувеличение, а буквально то, что он хотел сказать. Даже просто слушая его такое ровное описание, сердце у нее «бух-бух» колотилось, на лбу выступил холодный пот, не говоря уж о Му Цзиньюане, который столкнулся с этим лицом к лицу, можно представить, как он тогда чуть не сошел с ума от страха. Она потеряла лицо, совершенно потеряв образ, и спросила, не понимая:

— Ты разве не спросил его, почему он так сделал?

Му Цзиньюань закрыл глаза, стиснул зубы и сказал:

— Спросил. Он сказал, что у нас с тобой помолвка, он не хочет быть тем, кто разрушает, он не должен существовать.

Бай Сюэцин замерла, слезы потекли вниз, она прошептала:

— Этот глупый ребенок, этот глупый ребенок, почему он не должен существовать? Это все моя вина, зачем было хорошо и хорошо с тобой жениться, чуть не погубила Ханьханя.

Му Цзиньюань потер переносицу:

— Ты же не знала, что так будет, в этом не твоя вина, но разве ты не заметила, что у его психики, возможно, появились проблемы? Ты считаешь, что обычный человек из-за такого захочет совершить самоубийство? И еще таким решительным способом, как перерезание сонной артерии?

Бай Сюэцин широко открыла глаза:

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что он заболел?

Она ни капли не сомневалась в чувствах Му Цзиньюаня к младшему брату. Ведь столько лет опеки, все видели. Она верила, что в этом мире, кроме людей семьи Бай, Му Цзиньюань определенно любит Ханьхана больше всех. Он больше, чем кто-либо другой, не хочет, чтобы у тела младшего брата были проблемы, обычно, если только слышал слова, похожие на проклятие тела младшего брата, он взлетал бы от гнева. Раз он сейчас так говорит, значит, у него есть точная уверенность, этот факт заставил ее сердце опуститься.

Му Цзиньюань сказал:

— Это только мое предположение, я тоже не хочу, чтобы так было, но это результат моих наблюдений за этот день и ночь, я подозреваю, что кто-то с недобрыми намерениями внушил ему психологическую установку.

Бай Сюэцин сжала подлокотник дивана, стиснула зубы:

— Психологическую установку?

Взгляд Му Цзиньюаня стал холодным:

— Верно, психологическую установку. Вчера Ханьхань был напуган, по дороге домой сознание было не очень ясным, не говоря уже о том, что он оказался напуган своим маленьким приспешником, это само по себе странное дело, лишь его вчерашнее поведение.

После того как он пришел в себя, он отчаянно хотел держаться от меня на расстоянии, очень холодно ко мне относился. Тогда я думал, что он злится на меня, и не особо задумался. Но потом в смятении он принял крепкое вино за воду, выпил больше половины бутылки, напился и начал говорить бред.

Он сказал, что он очень грязный, и «не отмыть», постоянно подчеркивал, что будет очень послушным, умолял меня его не бросать, еще сказал, что я обманщик, через год с небольшим уйду и больше никогда не вернусь. После моего ухода его будут бить, ругать, я больше не буду обращать на него внимания. Еще сказал, что он уже умер, больше не будет меня влечь, чтобы я с тобой жил счастливо. Он живо описал ситуацию, когда он «умер», сказал, что использовал ложное движение, чтобы заставить полицейского выстрелить и убить его.

Он сложил два пальца вместе, направил на свое сердце:

— Бах.

Бай Сюэцин всем телом дрогнула от этого легкого «бах», ногти впились в подлокотник дивана.

Му Цзиньюань продолжил:

— Я тогда был как и ты, на душе было очень плохо, под воздействием эмоций я его схватил до

боли, но он даже не увернулся, только тихонько кричал, что больно. Я хотел расстегнуть его одежду, чтобы посмотреть, не поранил ли его, но его реакция была очень большой.

Му Цзиньюань глубоко вдохнул, рукой провел по лицу, только потом с трудом открыл рот и сказал:

— Он громко закричал, спрятался под стол и сказал мне: умоляю вас, не так, убейте меня.

Бай Сюэцин, услышав эти намекающие слова, покраснела глазами, похожая на зловещую ведьму. Она подумала и сказала:

— Он раньше говорил мне и маме, что ему приснился кошмар, приснилось, что компания Бай обанкротилась, вся семья стала нищими.

Му Цзиньюань кивнул:

— Соединив эти проявления, я считаю, что наиболее вероятная ситуация такова: кто-то со злым умыслом внушил ему психологическую установку и придумал не очень хорошее «будущее». А те вещи, которые он сказал, должны быть тем, что он увидел, то, что произойдет в «будущем»: семья Бай разорится, я уеду далеко, он... погибнет страшно. А то, что он вчера был так напуган Фэн Цюнем, этот человек тоже должен быть частью «будущего», и роль, которую он играет, точно не положительная.

Ханьхань обычно выглядит дерзким, но это мышь с ружьем — грозна только в норе, на самом деле его храбрость очень мала. Увидев эти трагические «будущее», поэтому он вдруг стал таким «послушным» и научился дорожить. Возможно, в этих страшных «будущем» есть часть его причин, поэтому он считает, что он «не должен существовать».

Бай Сюэцин стиснула зубы:

— Поэтому он из-за такого пустяка захотел себя уничтожить?

Она придерживала лоб, со страхом сказала:

— Если бы ты тогда не был рядом, если бы не смог его остановить, то он теперь...

Глаза Му Цзиньюаня были покрыты слоем черного тумана, он сжал кулаки:

— Возможно, это и есть цель того, кто внушил установку.

Бай Сюэцин с ненавистью сказала:

— Хочет смерти младшего брата? Какой человек будет использовать такой ядовитый метод? Это же убийство не видя крови! Если бы не вчерашнее дело вызвало твои подозрения, в какой-то день, когда с младшим братом случится беда, мы бы еще глупо ничего не знали!

Так подумав, она не удержалась и содрогнулась.

Му Цзиньюань тяжело кивнул:

— По твоим словам, его изменения произошли вскоре после моей командировки.

Бай Сюэцин сказала:

— Верно, похоже, этот человек специально выбрал время, когда тебя не было. Наверняка побаивается тебя, думал, не дождавшись твоего возвращения, Ханьхань, боясь, уже случится беда. Неожиданно Ханьхань оказался более стойким, чем он думал, он не сошел с ума, не рухнул, только научился дорожить.

Как и ожидалось, ты вернулся в ближайшее время, заметил странности, «тот человек» теперь, наверное, тоже очень в панике.

Му Цзиньюань мрачно сказал:

— Как бы то ни было, если наши догадки верны, я обязательно заставлю «того человека» заплатить цену!

Бай Сюэцин спросила:

— Это дело, нужно ли сказать папе с мамой?

Му Цзиньюань сказал:

— По крайней мере тете нельзя говорить, она любит Ханьханя как жизнь, если узнает, что он перенес такие страдания, боюсь, от злости заболит.

Бай Сюэцин кивнула:

— Ты прав, это дело мы можем обсудить с дядей и старшим братом, больше людей — больше силы. Существование такого человека, я всегда чувствую страх, не знает, будет ли у него следующие действия, лучше решить пораньше. Я думаю, твое предположение — самое разумное объяснение.

Му Цзиньюань сказал:

— Я пришел к тебе еще по одному важному делу.

Бай Сюэцин увидела его таким серьезным, сердце упало, ну только бы не было плохих новостей:

— Какое дело?

Му Цзиньюань серьезно сказал:

— Чтобы успокоить Ханьханя, я его обманул.

Бай Сюэцин широко открыла глаза:

— Ты? Обманул его?! У тебя когда появилась такая смелость? Что ты ему солгал?

<http://bllate.org/book/16705/1534498>